

Коммуникативная структура в синтаксической деривации

© 2019

Екатерина Анатольевна Лютикова

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, Россия;

Московский педагогический университет, Москва, Россия;

lyutikova2008@gmail.com

Аннотация: В статье исследуется коммуникативная структура русских относительных предложений. Делается вывод, что порядок слов в относительной клаузе не свободен, но ограничен требованием расположения относительного местоимения в теме. Исчисляются исходные и производные коммуникативные структуры, допускающие рестриктивную и аппозитивную релятивизацию. Допущение, что передвижению относительного местоимения предшествуют линейно-акцентные преобразования, реорганизуя коммуникативную структуру относительной клаузы, позволяет предложить объяснение вариативного объема эффекта крысолова, базирующееся на запрете на вторичное извлечение. Таким образом, статья затрагивает более широкую проблему архитектуры грамматики и содержит аргументы в пользу синтаксического подхода к коммуникативно мотивированным передвижениям.

Ключевые слова: аппозитивные относительные предложения, коммуникативная структура, линейно-акцентные преобразования, относительные предложения, порядок слов, рестриктивные относительные предложения, скрэмблинг, эффект крысолова

Для цитирования: Лютикова Е. А. Коммуникативная структура в синтаксической деривации // Вопросы языкознания. 2019. № 1. С. 7–29. DOI: 10.31857/S0373658X0003592-0.

Благодарности: Выражаю признательность организаторам и участникам Чтений памяти И. И. Ковтуновой (25 ноября 2016 г., Институт языкознания РАН), в первую очередь Т. Е. Янко, Е. В. Падучевой, В. И. Подлесской, Н. В. Перцову, за увлекательные доклады и дискуссии, пробудившие мой интерес к обсуждаемой в статье проблеме. Статья написана при поддержке проекта РНФ 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемого в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина.

Information structure in syntactic derivation

Ekaterina A. Lyutikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia;

Moscow State University of Education, Moscow, Russia; lyutikova2008@gmail.com

Abstract: The paper investigates information structure of Russian relative clauses. It shows that the constituent order in relative clauses is not free but constrained by the obligatory topical position of the relative pronoun, and enumerates basic and derived information structures allowing relativization. The assumption that relative pronoun movement is preceded by linear-accentual transformations rearranging the information structure of the relative clause allows to explain restrictions on pied piping as a constraint on subextraction. In this way, the paper contributes to the broader problem of the architecture of grammar and provides arguments in favor of syntax-internal approaches to scrambling.

Keywords: appositive relative clause, information structure, linear-accentual transformations, pied piping, relative clause, restrictive relative clause, scrambling, word order

For citation: Lyutikova E. A. Information structure in syntactic derivation. *Voprosy Jazykoznanija*. 2019. No. 1. Pp. 7–29. DOI: 10.31857/S0373658X0003592-0.

Acknowledgements: I am deeply grateful to the organizers and the participants of the Irina Kovtunova Memorial Conference (November 25th, 2016, Institute of Linguistics, RAS), especially to Tatyana Yanko, Elena Paducheva, Vera Podlesskaya and Nikolay Pertsov, for the exciting papers and discussion that sparked my interest in the issues discussed in this paper. This study is a part of the RSF project 18-18-00462 “Communicative-syntactic interface: typology and grammar” at the Pushkin State Russian Language Institute.

1. Коммуникативные передвижения в архитектуре грамматики

В этой статье рассматриваются коммуникативные ограничения на структуру относительных предложений в русском языке. Выявление подобных ограничений, несомненно, составляет важную часть внутриязыковой и общетипологической характеристики полипредикативных конструкций. Однако обсуждение этой проблематики не только имеет описательную направленность, но и может быть использовано в качестве аргумента в многолетней дискуссии о локализации коммуникативно мотивированных преобразований линейно-акцентной структуры предложения в архитектуре грамматики.

Взаимодействие синтаксически и коммуникативно обусловленной линейаризации предложения представляет собой один из широко обсуждаемых вопросов коммуникативно-синтаксического интерфейса. Современная лингвистика накопила существенный набор содержательных обобщений, касающихся возможностей линейаризации синтаксической структуры. Основное допущение в этой области, инспирированное в первую очередь гипотезой антисимметричности Р. Кейна [Kayne 1994], состоит в том, что линейный порядок составляющих отражает иерархические отношения синтаксической структуры (впрочем, имеется и альтернативная точка зрения [Bruening 2014]). Широко разработана также проблематика плоских, или неконфигурационных структур (flat constructions, non-configurationality [Hale 1983]), для которых отсутствуют синтаксические свидетельства бинарного иерархического вложения, что оказывает существенное влияние на допустимые способы линейаризации. Отдельный интерес представляет проблема особых типов составляющих — клитик, разного рода парентетиков, прочих атонических слов и групп, — линейная позиция которых мотивирована не только их синтаксической позицией, но и специфическими фонологическими (и, в частности, просодическими) характеристиками.

Существенные коррективы в указанные соответствия между синтаксической и линейной структурой предложения вносит так называемое актуальное членение [Матезиус 1947/1967], упаковочный компонент (packaging [Chafe 1976]) или информационная структура [Lambrecht 1994] предложения — упорядочивание составляющих в предложении на основании их коммуникативных характеристик, таких как тема / рема, топик / фокус, данное / новое и т. п. При сопоставлении порядка слов, задаваемого синтаксической структурой, и коммуникативно-модифицированного порядка слов обнаруживается, что во многих языках синтаксическая структура допускает разнообразные способы линейаризации, не совпадающие с «базовым порядком слов» и соответствующие определенным коммуникативным структурам высказывания. В настоящий момент в различных теоретических системах общепризнанным является деривационный подход к вариативной линейаризации, который предполагает наличие некоторого базового, «нейтрального» порядка, согласно которому происходит деривация языковых объектов, а отклонения от базового порядка деривируются путем передвижения некоторых составляющих из базовой позиции в производную, что сопровождается изменением акцентной структуры предложения¹. Таким образом, в модели деривации предложения коммуникативно мотивированные линейно-акцентные

¹ В последние годы, однако, появилось новое направление в рамках композиционного подхода [Bošković, Takahashi 1998; Bošković 2007; 2009], согласно которому различные варианты коммуникативно обусловленного порядка именных групп в предложении соответствуют их базовой

преобразования должны происходить после того, как построена базовая синтаксическая структура предложения с коммуникативно-нейтральной линейно-акцентной структурой. Примером такой системы для русского языка может служить линейно-акцентная грамматика Е. В. Падучевой [2008; 2012; 2016].

Существует две принципиальные возможности локализовать линейно-акцентные преобразования (далее ЛА-преобразования) в архитектуре грамматики — рассматривать их как синтаксические [Webelhuth 1989; Bailyn 1995; 2003; Rizzi 1997] или постсинтаксические [Haegeman, van Riemsdijk 1986; Müller, Sternefeld 1993; Bošković, Takahashi 1998; van Gelderen 2004]. Если коммуникативно обусловленные передвижения есть частный случай синтаксических передвижений, то на них должны накладываться те же ограничения (локальность, мотивация, относительная минимальность), что и на известные грамматически обусловленные передвижения (передвижения вопросительных и относительных составляющих, подъем и т. п.). Более того, будучи синтаксическими по своей природе, коммуникативно мотивированные преобразования могут в принципе оказывать влияние на интерпретацию предложения — например, на анафорические отношения, сферу действия кванторных выражений и операторов и т. п. Для русского языка такой анализ последовательно развивается в работах Дж. Бейлина [Bailyn 1995; 2003; 2004; 2006; 2012]. Следует отметить, что синтаксический подход к ЛА-преобразованиям вполне совместим с представлением о коммуникативной репрезентации как принадлежащей особому интерфейсному уровню, обеспечивающему считывание лингвистической информации неязыковыми когнитивными системами. Так, например, в [Bailyn 2012] разрабатывается анализ, связывающий коммуникативно мотивированные передвижения, например «длинные» передвижения влево (movement to the far left, MFL), с последующей интерпретацией предложения на уровне функциональной формы (functional form, FF), считывающем информационную структуру².

Эмпирические данные таких языков, как японский, хинди, фарси, турецкий, где связанная с информационной структурой дислокация составляющих обнаруживает иные свойства по сравнению с грамматически обусловленными передвижениями (ср., например, [Müller, Sternefeld 1993; Bošković, Takahashi 1998]), привели исследователей к анализу подобных передвижений как скрэмблинга (от англ. scrambling ‘перемешивание’) — особого семантически пустого преобразования, получающего на вход синтаксическую структуру и создающего вариативные линейные порядки слов. Скрэмблинг является постсинтаксической операцией и в этом качестве подчиняется ограничениям, формулируемым в фонологических терминах, не затрагивает собственно семантическую интерпретацию предложения и невидим для синтаксиса.

В [Лютикова 2012] на материале инверсий в русских именных группах показано, что вопрос о локализации ЛА-преобразований не допускает однозначного решения. Некоторые ЛА-преобразования (предположительно, сохраняющие акцентоноситель и тип акцента), действительно, не оказывают влияния на семантическую интерпретацию и в общем случае регулируются нелокальными правилами, опирающимися на более широкий просодический и коммуникативный контекст. Другие преобразования (сопровождающиеся изменением и линейной, и акцентной структуры), по-видимому, синтаксически и семантически мотивированы и могут быть описаны при помощи локальных синтаксических правил³. Таким образом, проблема локализации разных типов ЛА-преобразований в архитектуре грамматики остается открытой.

композиции с предикатом методом адьюнкции, так что структура предложения в языках с вариативным порядком слов оказывается аналогичной структуре предложения полисинтетических языков.

² Здесь можно провести аналогию между FF и другой репрезентацией — логической формой (LF). LF также относится к интерфейсным репрезентациям, но деривируется — открыто или скрыто — при помощи синтаксических механизмов.

³ О локальных и нелокальных правилах см., например, [Циммерлинг 2008].

В этой статье предлагается новая эвристика, позволяющая судить о месте коммуникативно мотивированных передвижений в деривации языковых выражений. Эта эвристика базируется на наблюдениях над влиянием коммуникативных характеристик некоторой составляющей на различные морфосинтаксические процессы, которые могут с ней происходить. В этой области только начинается систематизация эмпирических данных, зачастую полученных как побочный результат других исследований. Так, например, обнаружено существенное влияние коммуникативной структуры предложения на дифференцированное маркирование объекта. В якутском языке маркированное аккумулятивом прямое дополнение должно выдвигаться из глагольной группы, однако если маркированное прямое дополнение соответствует узкому фокусу, то оно остается в предглагольной позиции [Baker, Vinokurova 2010]. Для финно-угорских языков выявлено влияние и информационно-структурных и дискурсивных факторов на оформление прямого дополнения [Сердобольская, Толдова 2012]. Топикализованные дополнения с необходимостью вызывают объектное согласование в немецком языке [Nikolaeva 2014]. В осетинском языке компоненты непрефигированного сложного предиката могут быть разорваны только некоторыми типами составляющих, среди которых, наряду с отрицательными частицами и комплементаризерами, некоторые фокусные наречия [Lyutikova, Tatevosov 2013]. Среди грамматических и семантических феноменов, предположительно чувствительных к коммуникативным характеристикам предложения, можно назвать связывание, сферу действия отрицания, объем эффекта крысолова при выдвигании составляющих, возможность фрагментирования и прочих видов эллипсиса, выбор стратегии предикативного согласования, допустимость разрывных составляющих.

В данной статье мы рассмотрим ограничения на структуру относительных предложений в русском языке. Мы покажем, что существуют коммуникативные ограничения на образование относительного предложения, связанные с коммуникативным статусом составляющей, из которой происходит извлечение относительного местоимения. Этот факт позволит нам локализовать ЛА-преобразования в относительном предложении как предшествующие грамматически мотивированному передвижению относительного местоимения. Действительно, если некоторый коммуникативный статус составляющей оказывает влияние на синтаксические процессы, которые далее происходят с этой составляющей, то очевидно, что последствия коммуникативно мотивированных преобразований должны быть видимы в синтаксисе — в противном случае мы сталкиваемся с проблемой «заглядывания вперед» ('look-ahead' problem).

Дальнейшее изложение построено следующим образом. В разделе 2.1 будет намечена модель деривации русских относительных предложений. Раздел 2.2 посвящен коммуникативным ограничениям на структуру относительных предложений. В разделе 2.3 эти ограничения будут объяснены с опорой на допущение о локализации коммуникативных передвижений в синтаксисе.

2. Синтаксическая и коммуникативная структура относительных предложений

Обсуждение взаимодействия синтаксической и коммуникативной организации относительного предложения мы начнем с того, что продемонстрируем два ограничения, связанных с линеаризацией относительного предложения. Известно, что в русском языке относительное местоимение (или группа, содержащая его) располагается на левой периферии относительного предложения [РГ 1980: § 2881]. Однако, помимо этой закономерности, существуют дополнительные ограничения на линеаризацию относительного предложения. Во-первых, в относительных предложениях возможны не любые порядки слов. Так, например, порядок следования обстоятельств и глагола, допустимый в простом предложении (1a), не может быть воспроизведен в придаточном определительном (1b), полученном

путем передвижения относительного местоимения — подлежащего из исходной позиции на левую периферию предложения⁴. Релятивизация требует изменения порядка слов — например, такого, как в (1с).

- (1) а. Вскоре в Пытавино пришла весна [Андрей Дмитриев. Шаги (1987)].
 б. *Весна, *которая* [вскоре в Пытавино пришла ~~которая~~], выдалась солнечная, с сильным ветром.
 с. Весна, *которая* [~~которая~~ вскоре пришла в Пытавино], выдалась солнечная, с сильным ветром.

Во-вторых, объем выдвигаемой составляющей отличается для разных семантических типов относительных предложений: аппозитивные относительные предложения допускают эффект крысолова большого объема (*heavy pied piping*), чем рестриктивные. Эта закономерность была зафиксирована для итальянского [Cinque 1978; Bianchi 1999], английского [Emonds 1979; Fabb 1990] и русского [Лютикова 2016]. Например, в аппозитивном относительном предложении в (2а) относительное местоимение — дополнение выдвигается вместе с управляющим им глаголом. Преобразование относительной конструкции в рестриктивную (2б–с) сопровождается уменьшением допустимого размера выдвигаемой составляющей.

- (2) а. Договориться с чиновниками, как говорит Баранник, можно, предложив им доле-
 вое участие, например, 5–10 процентов от выручки, *снимать которую* владелец
 автомата будет ~~снимать которую~~ в присутствии хозяев помещения [Евгения Ленц.
 Автоматы дают сдачи (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.01.30].
 б. Он предложил им 5 процентов от той / любой / какой бы то ни было выручки, *ко-
 торую* владелец автомата будет снимать в присутствии хозяев помещения.
 с. *Он предложил им 5 процентов от той / любой / какой бы то ни было выручки, *сни-
 мать которую* владелец автомата будет в присутствии хозяев помещения.

Далее мы предполагаем показать, что объяснение обоих ограничений возможно при определенных допущениях о структуре относительных предложений разных семантических типов и о тайминге коммуникативных передвижений в процессе деривации предложения.

2.1. Синтаксическая модель деривации относительных предложений

Русские относительные предложения с местоимением *который* относятся к распро-
 страненному в языках Европы типу финитных относительных конструкций с внешней
 вершиной [Лютикова 2009; Холодилова 2014]. Стандартный формальный анализ таких
 конструкций рассматривает относительное местоимение как оператор, претерпевающий
 А'-передвижение из базовой позиции на левую периферию относительной клаузы, в Spec,
 CP⁵. Это передвижение имеет признаковую природу и происходит в рамках отношения

⁴ Здесь и далее передвижение составляющей обозначается зачеркиванием ее нижней копии в исходной позиции; сама передвинувшаяся составляющая выделяется курсивом. В упрощенной разметке коммуникативной структуры используются следующие условные обозначения: X[^] — тематический акцент, X[^] — рематический акцент, X[^] — контрастный тематический акцент, X[^] — контрастный рематический акцент, X₀ — деакцентуированная составляющая, | — граница между коммуникативными составляющими. Акцентные пометы располагаются после акцентоносителя.

⁵ В [Лютикова 2018; Lyutikova, Tatevosov (in print)] для русских относительных предложений с *кто-
 рый* предлагается анализ с подъемом именной вершины из относительного предложения. Для об-
 суждаемых в данной статье вопросов этот аспект анализа не принципиален, поэтому в дальнейшем

AGREE [Chomsky 2000], установленного между зондом — комплементаризером *C* — и целью — местоимением *который*.

Отношение AGREE подчиняется стандартным ограничениям локальности, которые могут быть обобщены как отсутствие между зондом и целью интервентов — островных структур (интервентов по доминации) или других зондов или целей с такими же признаками (интервентов по структурному приоритету) [Pesetsky 2013]. В отсутствие интервентов описанный выше механизм передвижения оператора предсказывает грамматичность всех структур с вариативной линеаризацией и выдвиганием относительного местоимения из базовой позиции, что, как мы видели в примере (1), неверно. Следовательно, на выдвигание относительного местоимения накладываются дополнительные ограничения, связанные с линейной структурой относительного предложения; к ним мы обратимся в разделе 2.2.

Наиболее известным обобщением, регулирующим объем эффекта крысолова, является принцип сходимости: вершина, притягивающая составляющую с признаком [F], вызывает передвижение наименьшей по размеру доступной составляющей, содержащей [F], которое приведет к сходящейся (=грамматичной) деривации [Chomsky 1995: 262]⁶. Так, в структуре (3), где признаком [F] обладает составляющая XP, но ее выдвигание по каким-либо причинам приводит к неграмматичности, вершина H может притянуть объемлющую составляющую YP, если ее выдвигание допустимо.

- (3) $H_{[uF]} \dots [_{YP} \dots Y \dots [_{XP} \dots X \dots]_{[F]}]$

Рассмотрим действие принципа сходимости на примере деривации относительного предложения в (4).

- (4) Ничего не поделаешь, ведь именно вы — единственно близкий человек, *наедине с которым* ваш мужчина может быть самым собой [наедине [с [которым]]] [www.greenmama.ru/nid/1513551/mnid/1685061].

Структура относительной клаузы при вступлении в деривацию комплементаризера показана в (5a). В соответствии с моделью AGREE неозначенный признак *iWN* комплементаризера выступает в качестве зонда и осуществляет поиск цели в области своего структурного приоритета. Поиск заканчивается при обнаружении относительного местоимения, обладающего нужным означенным признаком *iWN*. Между зондом и целью происходит взаимодействие: значения совпадающих признаков унифицируются, и зонд притягивает цель в свою область. Однако выдвигание относительного местоимения в (5a) приводит к неграмматичной структуре вследствие недопустимости зависания предлога (5b). Далее рассматривается следующая максимальная проекция — предложная группа *с которым*; ее выдвиганию препятствует тот факт, что она вложена внутрь адьюнкта (5c). Наконец, в (5d) передвигается группа наречия *наедине с которым*: это передвижение не нарушает никаких ограничений, поэтому мы получаем грамматичную структуру. Отметим, что пример (5e), захватывающий следующую максимальную проекцию — *быть собой наедине с которым*, — снова неграмматичен: в нем нарушено требование минимальности при выборе из доступных для передвижения составляющих.

- (5) a. $C_{[uWH]} [[\text{ваш мужчина}] [\text{может} [[\text{быть} [\text{собой}]]] [_{AdvP} \text{наедине} [_{PP} \text{с} [_{DP} \text{которым}] [_{iWH}]]]]]$
 b. $*\text{которым } C_{[uWH]} [[\text{ваш мужчина}] [\text{может} [[\text{быть} [\text{собой}]]] [_{AdvP} \text{наедине} [_{PP} \text{с} [_{DP} \text{которым}] [_{iWH}]]]]]$
 c. $*\text{с которым } C_{[uWH]} [[\text{ваш мужчина}] [\text{может} [[\text{быть} [\text{собой}]]] [_{AdvP} \text{наедине} [_{PP} \text{с} [_{DP} \text{которым}] [_{iWH}]]]]]$
 d. $\text{наедине с которым } C_{[uWH]} [[\text{ваш мужчина}] [\text{может} [[\text{быть} [\text{собой}]]] [_{AdvP} \text{наедине с которым} [_{PP} \text{с} [_{DP} \text{которым}] [_{iWH}]]]]]$
 e. $*\text{быть собой наедине с которым } C_{[uWH]} [[\text{ваш мужчина}] [\text{может} [[\text{быть} [\text{собой}]]] [_{AdvP} \text{наедине с которым} [_{PP} \text{с} [_{DP} \text{которым}] [_{iWH}]]]]]$

изложении мы будем придерживаться модели с порождением именной вершины вне относительной клаузы и анализом местоимения *который* как проформы.

⁶ «F carries along just enough material for convergence».

- d. *наедине с которым* $C_{[uWH]}$ [[ваш мужчина] [может [[*быть* [собой]]] $_{[AdvP]}$ *наедине* $_{[PP]}$ ϵ $_{[DP]}$ *которым* $_{[iWH]}$]]]]]
- e. **быть собой наедине с которым* $C_{[uWH]}$ [[ваш мужчина] [может [[*быть* [себой]]] $_{[AdvP]}$ *наедине* $_{[PP]}$ ϵ $_{[DP]}$ *которым* $_{[iWH]}$]]]]]

Легко видеть, что принцип сходимости предсказывает для каждой структуры только одно возможное передвижение. Однако, как мы видели выше, в относительных предложениях одной и той же структуры возможен эффект крысолова разного объема. С одной стороны, рестриктивные относительные предложения менее терпимы к нарушению принципа сходимости, чем аппозитивные, вследствие чего для структур, допускающих и аппозитивную, и рестриктивную интерпретации, объем выдвигаемой составляющей коррелирует с семантическим типом относительного предложения, как в примере (2). С другой стороны, наблюдается варьирование объема эффекта крысолова в самих аппозитивных относительных предложениях: так, в примерах (6a–b) с аппозитивными относительными предложениями, определяющими имя собственное, возможно как выдвижение дополнения, так и выдвижение включающего его инфинитивного оборота.

- (6) a. Начаты работы по внедрению системы ХАССП, *завершить создание которой* специалисты ОАО «Аромарос-М» планируют в 2005 г. [Международная выставка в новом центре «Крокус Экспо» (2004) // «Мясная индустрия», 2004.08.23].
- b. Начаты работы по внедрению системы ХАССП, *создание которой* специалисты ОАО «Аромарос-М» планируют завершить в 2005 г.

Таким образом, на образование относительного предложения накладываются ограничения, связанные с его линейризацией: оба семантических типа относительных конструкций чувствительны к порядку слов в предложении, при этом аппозитивные относительные предложения допускают вариативность в объеме выдвигаемой составляющей, недоступную для рестриктивных относительных предложений. В следующем разделе мы остановимся на первом наблюдении и покажем, что ограничения на линейную структуру относительного предложения следуют из ограничений на позицию относительного местоимения в коммуникативной структуре.

2.2. Коммуникативные ограничения на структуру относительных предложений

В предшествующей литературе неоднократно указывалось на коммуникативно-просодическую самостоятельность относительного предложения. Так, в работах В. И. Подлесской и ее соавторов подчеркивается, что относительные предложения имеют собственное актуальное членение, находящее отражение в соответствующей линейно-акцентной структуре [Подлесская 2008; 2014; Коротаев, Подлесская 2008].

В [Зализняк, Падучева 1979: 315–316], по-видимому, впервые формулируется коммуникативное ограничение на структуру относительного предложения: относительное местоимение в своем предложении должно являться темой или входить в состав темы. Обсуждая пример (7a), соавторы указывают, что «препозиция местоименной компоненты невозможна потому, что подлежащее, выраженное словом *это*, которое с обязательностью входит в состав темы, не должно оказываться в конечной позиции». Невозможность (7a) следует из однозначно связанного с местоимением *это* статуса темы (7b–c). Поскольку невозможно такое ЛА-преобразование, при котором бы выдвигаемая составляющая в (7a) попадала в тему, построить грамматичную относительную конструкцию нельзя.

- (7) а. *Я не знаю Иванова, *сын которого* {_{Th} это}.
- б. {_{Th} Это(↗)} | {_{Rh} сын Иванова↘}
- с. *{_{Th} Сын Иванова↗} | {_{Rh} это↘}

Это ограничение обобщается в [Лютикова 2009] следующим образом: если относительное местоимение в базовой структуре предложения находится в рематической позиции, необходимы ЛА-преобразования, обеспечивающие включение относительного местоимения в состав темы; объем этих преобразований ограничен требованием наличия ремы в относительном предложении.

Рассмотрим возможные варианты коммуникативной структуры (*к*-структуры) с относительным местоимением в теме. Вслед за работами [Ковтунова 1976; Падучева 1985; 2008; 2016; Янко 2001; Циммерлинг 2007; 2008; 2016] мы исходим из того, что синтаксической структуре предложения соответствует некоторая исходная *к*-структура, находящаяся с ней в наиболее естественном соответствии, или, иными словами, порожаемая этой синтаксической структурой. Прочие *к*-структуры данного предложения являются результатом применения ЛА-преобразований к исходным *к*-структурам.

В [Падучева 2016: 33] с опорой на [Ковтунова 1976: 65] выделяются следующие типы высказываний, «в которых актуальное членение не нарушает иерархию синтаксического членения»: высказывания с субъектно-предикатным расчленением, высказывания с детерминантно-событийным расчленением и тетические (нерасчлененные) высказывания. Поскольку в тетических предложениях тема отсутствует, расположение относительного местоимения в теме возможно для первой и второй из указанных *к*-структур. В примерах (8)–(9) относительное местоимение попадает в тему в субъектно-предикатной *к*-структуре: в (8) образует тему, а в (9) — входит в ее состав.

Обратим внимание на отличие в акцентных структурах для (8b) с подлежащим — полной именной группой и (8с) с подлежащим-местоимением. В высказываниях, где тему составляет относительное местоимение, обычно отсутствует тематический акцент в связи с общей тенденцией к деакцентуации местоимений. Если же относительное местоимение входит в состав темы, которая, помимо него, содержит подчиняющий знаменательный материал, то тематический акцент сохраняется, сдвигаясь на знаменательные компоненты темы, как в примере (9с)⁷.

- (8) а. Там есть и у меня один приятель, который хорошо играет на трубе [Н. В. Гоголь. Записки сумасшедшего (1835)].
- б. Мой приятель↗ | хорошо играет на трубе↘.
- с. ... который | хорошо играет на трубе↘.
- (9) а. В нижней части обрыва против кладбища путешественники заметили большую пещеру, вход в которую был защищен валом из камней [В. А. Обручев. Земля Санникова (1924)].
- б. Вход в пещеру↗ | был защищен валом из камней↘.
- с. ...вход↗ в которую | был защищен валом из камней↘.

⁷ Впрочем, В. И. Подлесская [2014: 556] указывает на возможность сохранения фразового акцента на относительном местоимении, приводя пример из Корпуса «Истории о подарках и катании на лыжах» [Хуршудян 2006]:

(i) ИП RUS R2-2
потому что на его пути повстречалась крутая /—горка,
...(0.5) съезжая с /которой,
он к сожалению сломал себе ...(0.7) /ногу в трех \местах

Примеры (10)–(12) демонстрируют детерминантно-событийное членение: относительное местоимение входит в состав обстоятельства с широкой сферой действия, которое в отечественной синтаксической традиции характеризуется как детерминант — зависимое всего предложения [РГ 1980: § 2022]. Рематический субъектно-предикатный комплекс при этом может быть нерасчлененным (10) или потенциально членимым на тему и рему (11). В (12) детерминант распространенный, и относительное местоимение вложено в него.

- (10) а. Это был мир, в котором жили и умерли его отец и мать [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)].
 б. В этом мире ↗ | жили и умерли его отец и мать ↘.
 с. ...в котором | жили и умерли его отец и мать ↘.
- (11) а. Они вернулись к Марье Дмитриевне и к Паншину, у которых пикет затянулся [И. С. Тургенев. Дворянское гнездо (1859)].
 б. У Марьи Дмитриевны и Паншина ↗ | пикет (↗) затянулся ↘.
 с. ...у которых | пикет (↗) затянулся ↘.
- (12) а. Мы миновали несколько улиц, базарную площадь и вступили в большую, темную аллею, по обе стороны которой пышно разрослись виноградные кусты [Л. А. Чарская. Записки институтки (1901)].
 б. По обе стороны аллеи ↗ | пышно разрослись виноградные кусты ↘.
 с. ...по обе стороны ↗ которой | пышно разрослись виноградные кусты ↘.

Обратимся теперь к производным *к*-структурам, полученным применением ЛА-преобразований к исходным *к*-структурам. В ходе этих преобразований относительное местоимение должно переместиться из рематической составляющей в тематическую. По-видимому, здесь возможны следующие виды преобразований: тематическая препозиция относительного местоимения или включающей его составляющей, тема-рематическая инверсия и тематизация всего пропозиционального содержания относительного предложения с контрастной (верификативной) ремой на предикате утвердительности («сокровенной связке» Н. Д. Арутюновой [1988: 141]).

Тематическая препозиция подразумевает создание новой темы из составляющей, в исходной *к*-структуре входящей в рему. Поскольку *к*-структура предложения должна содержать рему, она может подвергаться разным видам реорганизации в зависимости от сохранения в реме других составляющих, помимо тематизируемой.

Наиболее простой случай — когда после тематической препозиции в реме сохраняются другие компоненты глагольной группы; в таком случае возможна «дислокация без инверсии» [Янко 2001: 127]. Рассмотрим деривацию предложения (13а).

- (13) а. В те времена по всему Батуму гремело имя того профессора, которого Саблин видал на чае у губернатора [П. Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (книга 1) (1922)].
 б. Саблин ↗ | [[видал профессора] [на чае у губернатора]] ↘.
 с. Профессора ↗ | Саблин₀ | [видал [на чае у губернатора]] ↘.
 д. ...Саблин ↗ | [[видал которого] [на чае у губернатора]] ↘.
 е. ...которого | Саблин (↗) | [видал [на чае у губернатора]] ↘.

Исходная *к*-структура независимого предложения с синтаксическим членением, аналогичным относительному предложению в (13а), представлена в (13б). Рема здесь совпадает с группой сказуемого и содержит глагол, дополнение и обстоятельство. Тематическая

препозиция дополнения в (13с) создает новую ортотоническую тему; исходная тема в таком случае обычно атонируется, создавая энклитическую тему [Янко 2001: 76–81]⁸. Если дополнением является относительное местоимение (13d), то его тематизация не создает ортотонической темы; поэтому исходная тема может нести обычный тематический акцент (13е).

В (14) и (15) показаны дополнительные примеры такого рода преобразований. (15е) показывает, что при тематической препозиции составляющей, включающей, помимо относительного местоимения, знаменательные лексемы, тематический акцент присутствует на новой теме и в относительном предложении.

- (14) а. Расклеивали эти объявления Ваня и Таня, соседские дети, которых доктор вылечил когда-то от скарлатины и кори [К. И. Чуковский. Доктор Айболит (по Гью Лофтингу) (1929)].
- б. Доктор ↗ | вылечил когда-то Ваню и Таню от скарлатины и кори↘.⁹
- с. Ваню и Таню↗| доктор₀ | вылечил когда-то от скарлатины и кори↘.
- д. ...доктор ↗ | вылечил когда-то которых от скарлатины и кори↘.
- е. ...которых | доктор (↗) | вылечил когда-то от скарлатины и кори↘.
- (15) а. Но ест неизменно дома, принимая из рук старой стряпухи большую миску с ароматной, известной всему Миддлтоуну «похлебкой долголетия», варить которую старуха умеет в совершенстве [М. С. Шагинян. Месс-Менд, или Янки в Петрограде (1923–1924)].
- б. Старуха↗ | умеет варить похлебку в совершенстве↘.
- с. Варить похлебку↗ | старуха₀ | умеет в совершенстве↘.
- д. ...старуха↗ | умеет варить которую в совершенстве↘.
- е. ...варить↗ которую | старуха₀ | умеет в совершенстве↘.

Сложнее устроена реорганизация *к*-структуры предложения, когда тематическая препозиция некоторой составляющей оставляет в группе сказуемого только глагол. В этом случае происходит инверсия, создающая из глагола и подлежащего новую консолидированную рему [Падучева 1985: 110; 2008; 2016: 48]. В примере (16) тематизация дополнения оставляет в реме только глагол (16б). Такие структуры неустойчивы и должны подвергнуться дальнейшим ЛА-преобразованиям. Возможно преобразование обычной ремы в контрастную; в таком случае *к*-структура интерпретируется либо как узкая контрастная рема на глаголе (например, *колыхала, а не задувала*), либо как верификативная рема (см. ниже обсуждение примера (23)). В отсутствие контраста необходимость создания новой ремы приводит к субъектно-предикатной инверсии. В инвертированной конструкции происходит тема-рематическая консолидация коммуникативно расчлененной составляющей, создающая единую рему (16д). Аналогичные преобразования, с точностью до смещения акцента с относительного местоимения на вершину *пламя*, происходят в (16е–ф).

⁸ В независимом предложении возможен также вариант с контрастной первой темой (и ремой) и обычной второй темой [Падучева 2016: 53]:

(i) Профессора↗↗ | Саблин↗ | видал на чае у губернатора↘↘.

Однако в нашем примере, где первой темой становится местоименная составляющая, ее контрастное прочтение, по-видимому, невозможно.

⁹ Возможна альтернативная *к*-структура для (14б) с верификативной ремой (i); для рассматриваемого примера (14а) такая трактовка кажется маловероятной.

(i) Доктор вылечил↘↘ Ваню и Таню от скарлатины и кори.

- (16) а. Купе, куда вошел Живаго, ярко освещалось оплывшею свечой на столике, пламя которой колыхала струя воздуха из приспущенного окна [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)].
- б. Струя воздуха из приспущенного окна↗ | колыхала пламя свечи↘.
- с. Пламя свечи↗ | струя воздуха из приспущенного окна↗ | колыхала↘.
- д. Пламя свечи↗ | колыхала струя воздуха из приспущенного окна↘.
- е. ...струя воздуха из приспущенного окна↗ | колыхала пламя↘ которой.
- ф. ...пламя↗ которой | колыхала струя воздуха из приспущенного окна↘.

Дальнейшие примеры относительных конструкций, в которых тематическая препозиция составляющей, включающей относительное местоимение, сопровождается субъектно-предикатной инверсией и консолидацией новой ремы, показаны в (17)–(18).

- (17) а. Никогда я не слышал от него никаких вопросов, ответы на которые могла бы дать газета [Г. И. Успенский. Крестьянин и крестьянский труд (1880)].
- б. Газета↗ | могла бы дать ответы на эти вопросы↘.
- с. Ответы на эти вопросы↗ | могла бы дать газета↘.
- д. ...газета↗ | могла бы дать ответы↘ на которые.
- е. ...ответы↗ на которые | могла бы дать газета↘.
- (18) а. Эта-то страсть и была тем обаянием, силу которого чувствовала на себе княжна Людмила [Н. Э. Гейнце. Дочь Великого Петра (1913)].
- б. Княжна Людмила↗ | чувствовала на себе силу этого обаяния↘.
- с. Силу этого обаяния↗ | чувствовала на себе княжна Людмила↘.
- д. ...княжна Людмила↗ | чувствовала на себе силу↘ которого.
- е. ...силу↗ которого | чувствовала на себе княжна Людмила↘.

Следующий способ реорганизации *к*-структуры, помещающий относительную составляющую в тему, — тема-рематическая инверсия, демонстрируемая в примере (20). Это ЛА-преобразование, как замечает Падучева [2016: 40], создает эффект идентификации, сравнимый с тем, что возникает в клефтовой конструкции. Тема-сказуемое задает идентифицирующее свойство объекта, возможно — через участие в некоторой ситуации; рема-подлежащее называет конкретный референт, для которого истинно это свойство; утверждается тождество выделяемого идентифицирующим свойством индивида и референта подлежащего.

- (19) а. В этих казармах и были расквартированы те две контурии, которые пришли вместе с прокуратором на праздники в Ершалаим, а также тайная стража прокуратора, командовал которой этот самый гость [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)].
- б. Этот самый гость↗ | командовал тайной стражей↘.
- с. Командовал↗ тайной стражей | этот самый гость↘.
- д. ...этот самый гость↗ | командовал↘ которой.
- е. ...командовал↗ которой | этот самый гость↘.

Обратим внимание, что тематический акцент идентифицирующего сказуемого смещается на глагол не только с местоимения (19е), но и с полной именной группы — дополнения

(19с). Этот факт поддерживает точку зрения Янко [2001: 211], усматривающей в предложениях типа (19с) трехчленную *к*-структуру, в которой первой темой является глагол, обозначающий атрибут объекта, вторая, энклитическая, тема называет объект, а рема указывает на значение признака (20).

(20) Командовал₀ | тайной стражей₀ | этот самый гость₀.

В пользу этого анализа говорит то, что сказуемыми в таких предложениях выступают глаголы, обозначающие отношение, либо реляционные существительные. Параметрическая семантическая структура обязательна и для относительных клауз с тема-рематической инверсией. Поиск в [НКРЯ], проведенный Подлесской [2014: 558] показывает, что относительные клаузы с препозицией финитного глагола, как в (19а), возглавляются исключительно параметрическими предикатами — *командовать*, *руководить*, *координировать* и т. п., — допускающими перифразирование при помощи реляционного имени (*командир*, *руководитель*, *координатор*). Некоторые примеры приводятся в (21). В (22) показаны аналогичные по коммуникативной структуре относительные предложения с именным сказуемым — реляционным существительным.

- (21) а. Обслуживает данный участок дороги Новгородское зеленое хозяйство, руководит которым Валерий Тян [Юрий Никулин. Хода нет (2013.05.07) // «Новгородские ведомости», 2013].
- б. Сейчас идет сбор лекарственных средств, координирует который Санкт-Петербургское государственное учреждение здравоохранения «Медицинский склад — Центр медицинской и лекарственной гуманитарной помощи» [Инна Иванова. Чеченский малыш получит лекарства и книжки, собранные в нашем городе (2003) // «Санкт-Петербургские ведомости», 2003.01.27].
- с. Может быть, не в таких масштабах, как раньше, когда существовала выстроенная пирамида, венчал которую гендиректор Старовойтов [«Нас обманывают который век подряд» (2003) // «Московский комсомолец», 2003.01.10].
- д. Это нескончаемая месса, состоящая из бесчисленных хоров и оркестров, дирижирует которыми Сам Господь [Валерий Писигин. Письма с Чукотки // «Октябрь», 2001].
- (22) а. Так мы подошли к теме русского «театроцентризма», пример которого — и наше Мелихово [Два сюжета (2003) // «Театральная жизнь», 2003.08.25].
- б. Кошка Анфиса (кстати, очень милотворная особа) и кот Марципан обнаружили некий Черный Лес, хозяйка которого — Баба Яга! [<https://books.google.ru/books?isbn=9949921201>].
- с. Утвердив актеров на главные роли, я пошла с ними поужинать в ресторан, хозяином которого был Артем Готов [Алла Сурикова. Любовь со второго взгляда (2001)].

Наконец, последний тип производных *к*-структур, в которых относительное местоимение из группы сказуемого может попасть в тему, — это верификативные структуры с контрастным рематическим акцентом на предикативной вершине. Такую конструкцию мы видим в (23а). Исходная *к*-структура, по-видимому, является категорической и предполагает деление на подлежащее-тему и сказуемое-рему (при замене личного местоимения на полную именную группу тематический акцент в (23б) восстанавливается). В (23с) дополнение покидает рему, и рематический акцент падает на глагол; возникает такая же промежуточная структура, как в (16с). Дальнейшие преобразования, однако, идут другим путем: обычная рема заменяется на контрастную (23д). Подобные структуры интерпретируются либо как узкая рема на глаголе, либо как верификативная рема. В первом случае образуется структура с несколькими темами, одна из которых — контрастная (23е). При верификативной

реме пропозициональное содержание предложения (диктум) консолидируется в тематической составляющей, а в фокусе контраста остается только модус (23f). Выбор между этими опциями, по-видимому, во многом предопределяется лексическим значением глагола. Если глагол описывает способ действия, возможные альтернативы для создания контраста могут относиться как к диктуму (*Красками мы не рисуем, а пишем*), так и к модусу (*Красками мы не рисуем*). В противном случае узкая рема на глаголе оказывается практически неотличима от верификативной ремы. Именно так, по-видимому, обстоит дело в (23a): относительная клауза получает *κ*-структуру (23h).

- (23) а. Наша жизнь то же самое, как ежели бы мы с вами очутились на корабле, капитан и весь экипаж которого принадлежали бы к народу, языка которого мы не понимаем [О. Д. Форш. Михайловский замок (1946)].
- б. Мы | не понимаем языка этого народа ♪.
- с. Языка этого народа ♪ | мы | не понимаем ♪.
- д. Языка этого народа ♪ | мы | не понимаем ♪ ♪.
- е. Языка этого народа ♪ ♪ | мы | не понимаем ♪ ♪.
- ф. Языка этого народа мы не понимаем ♪ ♪.
- г. ...мы | не понимаем языка ♪ которого.
- h. ...языка которого мы не понимаем ♪ ♪.

Важно отметить, что лексический глагол принимает верификативный акцент только в финитной форме, то есть тогда, когда в нем выражены предикативные категории, составляющие модус. В аналитической глагольной форме верификативный акцент несет вспомогательный глагол, что позволяет отличить верификативную рему от узкой ремы на глаголе, см. (24a–b). Дополнительные примеры относительных конструкций с верификативным акцентом на лексическом глаголе приводятся в (25).

- (24) а. В 24 году я приехал в Москву и поступил в одно высшее учебное заведение, называть которое я не буду ♪ ♪ [Виктор Кин. Записные книжки (1921–1937)].
- б. Относительно двадцати оставшихся голосов шел ожесточенный юридический спор, изложением которого я не буду ♪ ♪ занимать читателей [М. А. Алданов. Истоки. Части 1–8 (1942–1946)].
- (25) а. Жуков, которому о бое все-таки доложили, отмахнулся — дело шло к выходу на границу [Илья Бояшов. Танкист, или «Белый тигр» (2008)].
- б. Клаус, наоборот, действовал целеустремленно, поставив целью выделить неизвестный металл, присутствие которого в смеси он подозревал [Лев Гумилевский. Зинин (главы из повести) // «Химия и жизнь», 1965].
- с. Он испрашивал у царя инструкций, которых так и не дождался [Е. В. Тарле. Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805–1807) (1954)].

Перечисленными вариантами, по-видимому, исчерпываются возможные *κ*-структуры, где относительная составляющая находится в теме. Теперь мы можем вернуться к вопросу о том, почему неграмматичен пример (1b), повторяемый здесь как (26a). Исходная *κ*-структура имеет детерминантно-событийное членение (26b); в относительной клаузе местоимение попадает в нерасчлененный предикатный комплекс (26c). Тематическая препозиция относительного местоимения создает *κ*-структуру (26d), имеющую представленный в (26a) порядок слов. Структуры такого типа, как мы видели выше, либо подвергаются инверсии, расширяющей тематический материал, либо при сохранении линейного порядка

составляющих получают контрастный рематический акцент. Однако предикат *пришла* не может быть проинтерпретирован ни как узкая контрастная рема, ни как верификативная рема: первой интерпретации препятствует функциональный характер глагола *приходить* в этом контексте, не предполагающий возможного лексического контраста; вторая интерпретация приходит в противоречие с энциклопедическими знаниями — общепризнательное предположение с данным лексическим составом, которое могло бы выступить в качестве модальной альтернативы, едва ли осмысленно (26е).

- (26) а. (=1b) *Весна, которая вскоре в Пытавино пришла, выдалась солнечная, с сильным ветром.
б. Вскоре↗ в Пытавино(↗) пришла весна↘.
в. ...вскоре↗ в Пытавино(↗) пришла↘ которая.
г. ...которая вскоре↗ в Пытавино(↗) пришла↘.
е. #Весна вскоре в Пытавино не пришла.

Таким образом, коммуникативные ограничения на линейную структуру относительных предложений могут быть сформулированы следующим образом: в относительных предложениях невозможны такие порядки слов, которые не могут быть проанализированы как расчлененные *к*-структуры, содержащие в теме (одной из тем) составляющую с относительным местоимением. В следующем разделе мы изучим вопрос об объеме эффекта крысолова в разных семантических типах относительных конструкций и покажем, что между *к*-структурой относительного предложения, его семантикой и объемом выдвигаемой относительной составляющей существует строгая зависимость.

2.3. Деривация коммуникативных ограничений

Дихотомия рестриктивных и аппозитивных относительных предложений была предметом семантико-синтаксических исследований как минимум с 1970-х гг. Отличия в интерпретации этих типов относительных конструкций естественным образом транслировались в предположение о разных уровнях присоединения относительных клауз: рестриктивные относительные предложения присоединяются к именной группе ниже определителя / квантора, а аппозитивные — выше [Partee 1973; 1975; Stockwell et al. 1973; Jackendoff 1977]. Несмотря на то, что и синтаксический статус рестриктивного относительного предложения (адъюнкт NP vs. аргумент DP), и уровень присоединения / интерпретации аппозитивного относительного предложения (DP vs. клаузальные проекции) остаются предметом дискуссий, все исследования опираются на предположение о разных позициях рестриктивных и аппозитивных относительных предложений в структуре определяемой именной группы и главной клаузы.

При этом различия во внутренней структуре рестриктивных и аппозитивных относительных предложений для многих исследователей не так очевидны. Возможная гипотеза состоит в том, что аппозитивные относительные предложения имеют такую же структуру, как другие относительные предложения данного языка, и их семантическая специфика связана исключительно с их структурной позицией в главной клаузе. Эту гипотезу высказывает, в частности, Дж. Эмондс в названии своей статьи: *Appositive relatives have no properties* 'У аппозитивных относительных предложений нет собственных свойств' [Emonds 1979].

В [Лютикова 2016] этот подход подвергается критике на материале русского языка: показано, что аппозитивные относительные предложения имеют особые структурные свойства, которые отличают их от прочих типов относительных клауз и которые не могут быть сведены к внешнему по отношению к аппозитивной клаузе синтаксису. Одним из признаков,

отличающих аппозитивные относительные предложения от рестриктивных, является варьирование в размере выдвигаемой составляющей, нарушающее принцип сходимости.

Аппозитивные относительные предложения отличаются от рестриктивных и с точки зрения допустимых *к*-структур. Исходные *к*-структуры возможны для обоих семантических типов относительных клауз. Также допустимы *к*-структуры, возникающие вследствие тематической препозиции относительной составляющей — и в случае, когда в реме остаются другие компоненты глагольной группы, и в случае, когда происходит субъектно-предикатная инверсия и консолидация ремы.

ЛА-преобразования, возможные только в аппозитивных относительных предложениях, включают тема-рематическую инверсию и преобразование контрастной ремы. По-видимому, контраст, в сферу действия которого входит только материал внутри рестриктивного относительного предложения, в принципе невозможен, не только в реме, но и в теме. Контрастный акцент на элементе рестриктивного относительного предложения всегда принадлежит главной клаузе, ср. примеры в (27)¹⁰.

- (27) а. Между прочим, на людей бросаются только те ↗↗ собаки, | которые воспитаны именно так ↘↘ [Юрий Заколюжный. Собака — гладиатор // «Криминальный отдел», 2010].
- б. Самый страшный лабиринт не тот ↗↗, у которого нет выхода ↘↘, а тот ↗↗, у которого нет центра ↘↘ [Владимир Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами (1975–1998)].
- с. И даже те женщины, которые его действительно любили ↗↗, | никогда не говорили ↘↘ ему об этом [Александра Маринина. За все надо платить (1995)].

Мы полагаем, что ограничения на некоторые виды ЛА-преобразований для рестриктивных относительных предложений и отсутствие этих ограничений для аппозитивных относительных предложений должны получать объяснение в рамках общего противопоставления рестриктивных и аппозитивных относительных предложений по их синтаксическому статусу. Известно, что во многих языках, в том числе и в русском, аппозитивные относительные предложения проявляют свойства главной клаузы (*main clause phenomena*). Они способны содержать адвербиалы, ориентированные на говорящего, логические связки, аргументами которых выступают главное и аппозитивное предложение, выражать наклонение и т. п. Можно предположить, что контрастная тема / реме и тема-рематическая инверсия в русском языке относятся к числу феноменов, возможных только в главной клаузе и в клаузах, по своим семантико-синтаксическим характеристикам близких к ней.

Итак, часть отличий в объеме эффекта крысолова в рестриктивных и аппозитивных относительных предложениях связана с тем, что некоторые *к*-структуры, и среди них *к*-структуры с «объемными» темами, такими как группа сказуемого или даже вся пропозиция, просто недоступны для рестриктивных относительных предложений. Это обобщение позволяет нам уточнить исследовательский вопрос, который теперь можно сформулировать следующим образом: почему при тематической препозиции составляющей, содержащей относительное местоимение, аппозитивные относительные предложения допускают темы разного объема, а рестриктивные — только такие, которые не нарушают принцип сходимости?

Важное наблюдение, которое поможет ответить на этот вопрос, связано с соотношением составляющей, подвергающейся тематической препозиции, и составляющей, передвигающейся на левую периферию рестриктивной относительной клаузы, в Spec, CP: последняя

¹⁰ Возможные типы интеграции придаточного определительного в коммуникативную структуру главного предложения подробно рассматриваются в статье Подлесской [2014]; в частности, отмечается возможность в рестриктивном относительном предложении контрастного фокуса, принадлежащего главному предложению.

всегда совпадает с первой. Чтобы продемонстрировать это, рассмотрим сконструированные примеры в (28).

- (28) а. *Вы — единственный человек, наедине с которым быть самим собой может ваш мужчина.
 б. *Он предложил им пять процентов от той выручки, которую регулярно снимать в присутствии хозяев помещения будет владелец автомата.

На первый взгляд, предложения в (28) не нарушают никаких сформулированных выше ограничений. Например, для (28b) возможна следующая гипотетическая деривация. Относительная клауза имеет исходную структуру (29a), относительное местоимение находится в реме. Тематическая препозиция глагольной группы помещает относительное местоимение внутрь темы; происходит субъектно-предикатная инверсия и консолидация ремы (29b). Затем относительное местоимение выдвигается из тематической составляющей в Spec, CP (29c).

- (29) а. ...владелец автомата[↗] | будет регулярно снимать которую в присутствии хозяев помещения[↘]
 б. ...регулярно снимать которую в присутствии хозяев помещения[↗] | будет владелец автомата[↘]
 в. *...которую [регулярно снимать которую в присутствии хозяев помещения[↗] | будет владелец автомата[↘]]
 д. ...которую | владелец автомата[↗] | будет регулярно снимать в присутствии хозяев помещения[↘]
 е. ...которую [которую | владелец автомата[↗] | будет регулярно снимать в присутствии хозяев помещения[↘]]

Очевидно, что передвижение относительного местоимения в (29c) нарушает некоторое ограничение, которого нет в (29d-e), где тематической препозиции подвергается только относительное местоимение. Мы полагаем, что это ограничение на вторичное извлечение (subextraction), запрещающее извлечение материала из составляющей, подвергшейся передвижению.

Многие исследователи [Takahashi 1994; Stepanov 2007; Rizzi 2007; Rizzi, Shlonsky 2007; Lohndal 2011] отмечают эффект «замораживания» (freezing effect), сопровождающий передвижение составляющей: она становится непрозрачной для зондов, расположенных вне этой составляющей. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что условия возникновения этого эффекта не идентичны в разных языках; среди релевантных параметров указываются классы признаков, вызывающих передвижение, и тип конечной позиции, в которой оказывается передвигающаяся составляющая (A- vs. A'-позиция).

Для наших целей наибольший интерес представляет экспериментальное исследование вторичного извлечения в русском языке, предпринятое в работе [Polinsky et al. 2013]. Изучались суждения носителей о приемлемости примеров, представляющих собой результат извлечения «левой ветви» (LBE) из вопросительной группы в позиции подлежащего или прямого дополнения в придаточном изъяснительном предложении с союзом *чтобы*, причем экспериментальные предложения были сбалансированы в отношении взаимного расположения подлежащего / дополнения и глагола. Таким образом были получены оценки вторичного извлечения вопросительной составляющей для прямых дополнений в базовой *κ*-структуре (30a) и производной *κ*-структуре с тематической препозицией дополнения и субъектно-предикатной инверсией (30b). Обнаружилось, что подвергшиеся передвижению прямые дополнения непрозрачны.

- (30) а. *Какие ты хочешь, чтобы профессор объявил [~~какие~~ отметки]?*
б. *Какие ты хочешь, чтобы [~~какие~~ отметки] объявил профессор?*

Мы предполагаем, что неграмматичность примеров (28а–б) также является следствием ограничения на вторичное извлечение. Тематическая препозиция составляющей, содержащей относительное местоимение, делает ее непрозрачной для последующего извлечения относительного местоимения и его передвижения в *Spec*, *CP*. Только в том случае, когда тематической препозиции подвергается минимальная по размеру составляющая, передвижение которой не приводит к неграмматичности (то есть составляющая, удовлетворяющая принципу сходимости), ее последующее перемещение в *Spec*, *CP* будет не **извлечением** из передвинувшейся составляющей, а **передвижением самой** этой составляющей.

Теперь мы готовы ответить на последний вопрос: почему ограничение на вторичное извлечение действует только для рестриктивных относительных предложений. Дело в том, что в рестриктивных относительных предложениях происходит признаковое взаимодействие комплементаризера и оператора — относительного местоимения, — требующее обязательного передвижения цели в *Spec*, *CP*. Коммуникативные ограничения на структуру относительного предложения требуют, чтобы относительное местоимение оказалось в тематической позиции в *κ*-структуре предложения. А *prigri* для данного предложения может существовать более одного способа разместить относительное местоимение в теме, однако вследствие ограничения на вторичное извлечение из всех ЛА-преобразований, доступных для предложения данной структуры, «выигрывает» то, которое создает минимальную грамматически допустимую тему, содержащую относительное местоимение.

В аппозитивных относительных предложениях относительное местоимение не передвигается открыто в *Spec*, *CP*. В [Лютикова 2012; 2016] развивается анализ, согласно которому относительное местоимение в них является не оператором, а анафорической проформой, так что оно в принципе не вступает в признаковое взаимодействие с *C*. Возможная аналитическая альтернатива, совместимая с единообразной семантической трактовкой относительного местоимения, — установление отношения *AGREE* между *C* и местоимением *in situ*, без передвижения. В отсутствие необходимости в последующем передвижении относительной составляющей для данного предложения допустимы различные варианты ЛА-преобразований, помещающие относительное местоимение или объемлющую составляющую в позицию темы.

3. Выводы и следствия

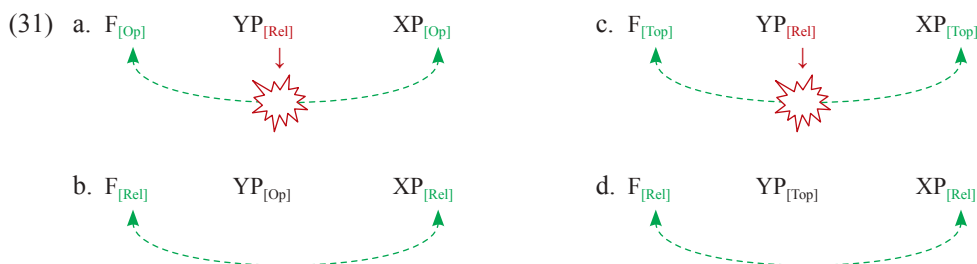
В данной статье мы рассмотрели ограничения на структуру русских относительных предложений, связанные с их коммуникативной организацией. Выяснилось, что выдвижению относительного местоимения на левую периферию относительного предложения предшествуют ЛА-преобразования, реорганизующие *κ*-структуру относительного предложения таким образом, чтобы относительное местоимение оказалось в теме. Это означает, что (по меньшей мере часть) ЛА-преобразований происходит в ходе синтаксической деривации, а не в постсинтаксическом компоненте.

Представляется, что этот результат открывает новые перспективы и ставит новые вопросы в области коммуникативно-синтаксического интерфейса. Ниже мы назовем только некоторые из них, напрямую связанные с моделированием ЛА-преобразований в синтаксисе.

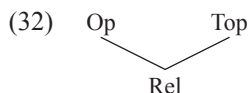
Существенный интерес представляет связь возможных для данной клаузы *κ*-структур и допустимых ЛА-преобразований с синтаксическим статусом клаузы. Мы обнаружили, что коммуникативные парадигмы аппозитивных относительных предложений богаче, чем рестриктивных, и приближаются к парадигмам независимых предложений. Мы предположили, что это свойство аппозитивных относительных предложений — еще один из «феноменов главной клаузы», характерных для аппозитивных конструкций. Учитывая, что

разнообразные феномены главной клаузы и их отсутствие в зависимых клаузах успешно представимы в архитектуре клаузалых функциональных проекций как противопоставление полных vs. неполных структур (ср. анализ инфинитивных клауз в [Wurmbrand 1998] или номинализаций в [Alexiadou 2001]) либо как различные формальные признаки однотипных вершин (ср. анализ феномена V2 в [den Besten 1983]), мы получаем косвенные свидетельства в пользу признаковой природы ЛА-преобразований.

Если в основе ЛА-преобразований, происходящих в ходе синтаксической деривации, лежит признаковое взаимодействие составляющих, то мы ожидаем разнообразных эффектов, связанных с относительной минимальностью, определяемой в терминах классов признаков [Rizzi 1997; 2004] или иерархии признаков [Abels 2012]. В этом отношении существенный интерес представляет возможное блокирование взаимодействия по признаку F интервентом, также обладающим данным признаком. Такого рода факты позволяют классифицировать признаки, отвечающие за различные ЛА-преобразования, и установить гипо-гиперонимические отношения между классами признаков, выражающиеся в асимметричном блокировании признаковых взаимодействий. Например, К. Абельс [Abels 2012] на материале итальянского языка установил, что составляющая с признаком Rel, связанным с передвижением относительного оператора, асимметрично блокирует как передвижение составляющих с признаком Op, характеризующим все виды операторов, в том числе вопросительные, фокусные, полярные (31a–b), так и передвижение составляющих с признаком Top, маркирующим топикальные группы (31c–d).

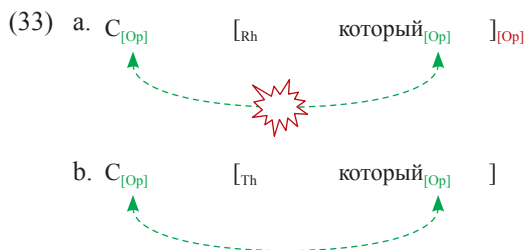

Такого рода асимметричные соотношения между признаками позволяют воссоздать фрагмент геометрии признаков (32), где [Rel] максимально специфицирован и по типу операторных признаков, и по типу топикальных признаков:

Возвращаясь к материалу русского языка, сделаем лишь два замечания, которые могут оказаться релевантны в связи с исследованием признаков, регулирующих ЛА-преобразования.

Во-первых, интересна природа требования о расположении относительного местоимения в теме, впервые сформулированного в [Зализняк, Падучева 1979] и нашедшего подтверждение в данной статье. Возможно, оно связано с интервенцией по доминации рематической составляющей при признаковом взаимодействии комплементаризера и относительного местоимения. Поскольку ремы, по меньшей мере контрастные, образуют кванторную структуру, можно предположить, что признаки рематической составляющей и относительного местоимения родственны и входят в один признаковый класс. В таком случае при расположении относительного местоимения внутри ремы оно будет недоступно для внешнего зонда — операторного признака комплементаризера (33a). При расположении относительного местоимения в теме его признаковое взаимодействие с зондом ничем не блокируется (33b).

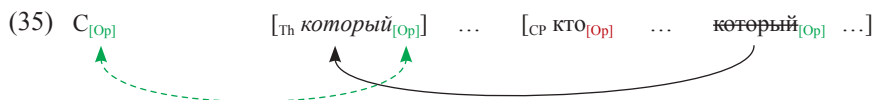

Во-вторых, интересно, что в русском языке относительное местоимение обладает значительно большей свободой в извлечении из островных структур, чем вопросительное местоимение. Например, остров косвенного вопроса допускает извлечение относительных местоимений и блокирует извлечение вопросительного местоимения, ср. (34a–b). При этом слабые острова, в особенности в разговорной речи, легко допускают извлечение топикальных составляющих, ср. (34c).

- (34) a. Хочется кого-нибудь от чего-нибудь уберечь, но те девушки, которых я люблю, все поголовно в такой колоссальной беде, *из которой* я не знаю, кто может их вытащить ~~из которой~~ [<https://proflib.net/chtenie/.../maks-gurin-dusha-i-navyki-13.php>].
- b. ?*Из чего / Откуда ты не знаешь, кто может их вытащить ~~из чего~~ / откуда?
- c. Я оттуда не знаю, кто может их вытащить.

Контраст между (34b) и (34c) известен в формальной русистике как «парадокс Земской»¹¹: слабые острова блокируют выдвижение вопросительных составляющих, но допускают скрэмблинг. В [Bailyn 2001; 2006; (in print)] развивается анализ, согласно которому блокирующий эффект в слабых островах связан с операторным признаком [+Q] вопросительного местоимения, расположенного на их левой периферии. Поскольку скрэмблинг опирается на признак [+Σ], не относящийся к классу операторных, слабые острова не блокируют скрэмблинг.

Чтобы объяснить отсутствие блокирующего эффекта признака [+Q] вопросительного местоимения для извлечения относительного местоимения в (34a), Дж. Бейлин вынужден предположить, что относительное местоимение не является оператором. Предпринятое в этой статье обсуждение позволяет предложить более естественное объяснение отличию вопросительных и относительных местоимений. Поскольку относительное местоимение должно оказаться в теме главной клаузы, оно подвергается тематической препозиции. Тематическая препозиция опирается на признак другого класса (например, [+Top] или [+Σ]) и поэтому не блокируется признаком [+Q]. Таким образом, относительное местоимение выдвигается из косвенного вопроса, обходя блокирующий эффект признака [+Q] вопросительного местоимения (35).

В отличие от относительных местоимений, вопросительные местоимения всегда входят в состав ремы, и поэтому такая деривация для них невозможна.

Безусловно, высказанные здесь гипотезы носят предварительный характер и должны стать предметом подробных исследований. Теоретическое осмысление указанных феноменов возможно лишь на базе содержательных обобщений, сделанных на представительном

¹¹ Название этого феномена отсылает к работам [Земская 1973; 1979/1985], где представлены примеры с расположением материала зависимых предложений внутри главного.

эмпирическом материале. Однако уже сейчас, как кажется, есть основания надеяться, что будущие исследования продемонстрируют плодотворность такого подхода к синтаксису, при котором коммуникативная структура и формирующие ее ЛА-преобразования расцениваются не как «возмущающие факторы», затемняющие суть синтаксической деривации, но как ее необходимые компоненты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова 1988 — Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. [Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytiye. Fakt* [Types of linguistic meaning: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka, 1988.]
- Зализняк, Падучева 1979 — Зализняк А. А., Падучева Е. В. Синтаксические свойства местоимения *который* // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979. С. 289–329. [Zaliznyak A. A., Paducheva E. V. Syntactic characteristics of the pronoun *kotoryi*. *Kategoriya opredelennosti-neopredelennosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh*. Moscow: Nauka, 1979. Pp. 289–329.]
- Земская 1973 — Земская Е. А. (ред.). Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. [Zemskaya E. A. (ed.). *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian colloquial language]. Moscow: Nauka, 1973.]
- Земская 1979/1985 — Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979; 2-е изд.: М.: Русский язык, 1985. [Zemskaya E. A. *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskii analiz i problemy obucheniya* [Russian colloquial language: Linguistic analysis and the problems of acquisition]. Moscow: Russkii Yazyk, 1979; 2nd ed.: Moscow: Russkii Yazyk, 1985.]
- Ковтунова 1976 — Ковтунова И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Наука, 1976. [Kovtunova I. I. *Sovremennyi russkii yazyk. Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya* [Modern Russian. Word order and thematic-rhematic articulation of the sentence]. Moscow: Nauka, 1976.]
- Коротаев, Подлеская 2008 — Коротаев Н. А., Подлеская В. И. Фразовая акцентуация в сложных предложениях с постпозитивными придаточными в русском языке: опыт использования устного корпуса с просодической разметкой // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). Вып. 7 (14). М.: РГГУ, 2008. С. 234–240. [Korotaev N. A., Podlesskaya V. I. Phrasal accentuation in complex sentences with postpositional subordinate clauses in Russian: Experience of using an oral speech corpus with prosodic tagging. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (Bekasovo, 4–8 iyunya 2008 g.). No. 7 (14). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2008. Pp. 234–240.]
- Лютикова 2009 — Лютикова Е. А. Относительные предложения с союзным словом «который»: общая характеристика и свойства передвижения // Киселева К. Л., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Татевосов С. Г. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009. С. 436–511. [Lyutikova E. A. Relative clauses with the connective word *kotoryi*: A general description and movement characteristics. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike*. Kiseleva K. L., Plungian V. A., Rakhilina E. V., Tatevosov S. G. (eds.). Moscow: Probel-2000, 2009. Pp. 436–511.]
- Лютикова 2012 — Лютикова Е. А. Интерпретация местоимения *который* в аппозитивных относительных предложениях // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. № 1. С. 3–24. [Lyutikova E. A. Interpretation of *kotoryi* pronoun in appositive relative clauses. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2012. No. 1. Pp. 3–24.]
- Лютикова 2016 — Лютикова Е. А. Синтаксис аппозитивных относительных предложений // Rhema. Рема. 2016. № 2. С. 67–87. [Lyutikova E. A. The syntax of appositive relative clauses. *Rhema. Rema*. 2016. No. 2. Pp. 67–87.]
- Лютикова 2018 — Лютикова Е. А. Структура именной группы в безартиклевом языке. М.: ЯСК, 2018. [Lyutikova E. A. *Struktura imennoi gruppy v bezartiklevom yazyke* [The noun phrase structure in languages without articles]. Moscow: YaSK Publishing House, 2018.]
- Матезиус 1947/1967 — Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245. Пер. с чешского: Mathesius V. O tak zvaném aktuálním členění větném. *Čestina a obecný jazykozpyt*. Praha, 1947. [Mathesius V. On the so-called thematic-rhematic articulation of the sentence. *Pražskii lingvistickii kruzhok*. Moscow:

- Progress, 1967. Pp. 239–245. Transl. from Czech: Mathesius V. O tak zvaném aktuálním členění větěm. Čestina a obecný jazykozpyt. Praha, 1947.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Падучева 1985 — Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. [Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimений)* [Utterance and its correlation with reality (referential aspects of the pronoun semantics)]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Падучева 2008 — Падучева Е. В. Коммуникативная расчлененность и пути ее преодоления: инверсия подлежащего // Архипов А. В., Захаров Л. М., Кибрик А. А., Кибрик А. Е., Кобозева И. М., Кривнова О. Ф., Лютикова Е. А., Фёдорова О. В. (ред.). Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 417–426. [Paducheva E. V. Communicative split and ways to overcome it: Subject inversion. *Fonetika i nefonetika. K 70-letiyu Sandro V. Kodzasova*. Arkhipov A. V., Zakharov L. M., Kibrik A. A., Kibrik A. E., Kobozeva I. M., Krivnova O. F., Lyutikova E. A., Fedorova O. V. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008. Pp. 417–426.]
- Падучева 2012 — Падучева Е. В. Тематическая препозиция: акцентные сдвиги и инверсия. Материалы к докладу на международной конференции «Проблемы речевого общения (Десять Шмелевских чтений)». ИРЯ РАН, 24–26 февраля 2012 г. [Paducheva E. V. *Tematicheskaya prepozitsiya: aktsentnye sdvigi i inversiya. Materialy k dokladu na mezhdunarodnoi konferentsii «Problemy rechevogo obshcheniya (Desyatye Shmelevskie chteniya)»*. IRYa RAN, 24–26 fevralya 2012 g. [Thematic preposition: Accent shifts and inversion. Materials for the report at the international conference «Problems of verbal communication (10th Shmelev's readings)». Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, February 24–26, 2012.]
- Падучева 2016 — Падучева Е. В. Коммуникативная структура и линейно-акцентные преобразования предложения (на материале русского языка) // Циммерлинг А. В., Лютикова Е. А. (ред.). Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов. М.: ЯСК, 2016. С. 25–75. [Paducheva E. V. Communicative structure and linear-accentual transformations of the sentence (case study of Russian). *Arkhitectura klauzy v parametricheskikh modelyakh: sintaksis, informatsionnaya struktura, porядok slov*. Zimmerling A. V., Lyutikova E. A. (eds.). Moscow: YaSK Publishing House, 2016. Pp. 25–75.]
- Подлесская 2008 — Подлесская В. И. Фразовая акцентуация в относительных предложениях: анализ корпусных данных. Архипов А. В., Захаров Л. М., Кибрик А. А., Кибрик А. Е., Кобозева И. М., Кривнова О. Ф., Лютикова Е. А., Фёдорова О. В. (ред.). Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2008. [Podlesskaya V. I. Phrasal accentuation in relative clauses: analysis of corpus data. *Fonetika i nefonetika. K 70-letiyu Sandro V. Kodzasova*. Arkhipov A. V., Zakharov L. M., Kibrik A. A., Kibrik A. E., Kobozeva I. M., Krivnova O. F., Lyutikova E. A., Fedorova O. V. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Подлесская 2014 — Подлесская В. И. Просодия против синтаксиса в русских относительных предложениях // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2014. Т. 10. № 2. С. 537–567. [Podlesskaya V. I. Prosody versus syntax in the Russian relative clauses. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovanii*. 2014. Vol. 10. No. 2. Pp. 537–567.]
- РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. I / Гл. ред. Шведова Н. Ю. М.: Наука, 1980. [Russkaya grammatika: V 2 t. [The Russian grammar: In 2 vol.]. Shvedova N. Yu. (ed.). Vol. I. Moscow: Nauka, 1980.]
- Сердобольская, Толдова 2012 — Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Кузнецова А. И. (отв. ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 59–141. [Serdobol'skaya N. V., Toldova S. Yu. Differential marking of the direct object in Finno-Ugric languages. *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody*. Kuznetsova A. I. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2012. Pp. 59–141.]
- Холодилова 2014 — Холодилова М. А. Относительные придаточные. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики // <http://rusgram.ru> (на правах рукописи). М., 2014. [Kholodilova M. A. *Otnositel'nye pridatochnye. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [The relative clause. Materials for the project of the corpus-based description of the Russian grammar]. Available at: <http://rusgram.ru> (as manuscript). Moscow, 2014.]
- Хуршудян 2006 — Хуршудян В. Г. Средства выражения хезитации в устном армянском дискурсе в типологической перспективе. Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2006. [Khurshudyan V. G. *Sredstva vyrazheniya khezitatsii v ustnom armyanskom diskurse v tipologicheskoi perspektive. Kand. diss.* [Means

- of hesitation expression in oral Armenian discourse in typological perspective. Cand. diss.]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2006.]
- Циммерлинг 2007 — Циммерлинг А. В. Локативная инверсия в языках со свободным порядком слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14). Труды международной конференции «Диалог 2007». М.: РГГУ, 2007. С. 242–249. [Zimmerling A. V. Locative inversion in the languages with free word order. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2007»*. No. 7 (14). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2007. Pp. 242–249.]
- Циммерлинг 2008 — Циммерлинг А. В. Локальные и глобальные правила в синтаксисе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2008». Вып. 8 (15). М.: РГГУ, 2008. С. 551–562. [Zimmerling A. V. Local and global rules in syntax. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2008»*. No. 8 (15). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2008. Pp. 551–562.]
- Циммерлинг 2016 — Циммерлинг А. В. Линейно-акцентная грамматика и коммуникативно нерасчлененные предложения в русском языке // Циммерлинг А. В., Лютикова Е. А. (ред.). Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов. М.: ЯСК, 2016. С. 76–103. [Zimmerling A. V. Linear-accentual grammar and communicatively non-articulated sentences in Russian. *Arkhitektura klauzy v parametricheskikh modelyakh: sintaksis, informatsionnaya struktura, porjadok slov*. Zimmerling A. V., Lyutikova E. A. (eds.). Moscow: YaSK Publishing House, 2016. Pp. 76–103.]
- Янко 2001 — Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: ЯСК, 2001. [Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoi rechi* [Communicative strategies of spoken Russian]. Moscow: YaSK, 2001.]
- Abels 2012 — Abels K. The Italian left periphery: A view from locality. *Linguistic Inquiry*. 2012. Vol. 43 (2). Pp. 229–254.
- Alexiadou 2001 — Alexiadou A. *Functional structure in nominals: Nominalization and ergativity*. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Bailyn 1995 — Bailyn J. *A configurational approach to Russian 'free' word order*. Ph.D. diss. Ithaca (NY): Cornell Univ., 1995.
- Bailyn 2001 — Bailyn J. On Scrambling: A reply to Bošković and Takahashi. *Linguistic Inquiry*. 2001. Vol. 32 (4). Pp. 635–658.
- Bailyn 2003 — Bailyn J. A (purely) derivational account of Russian scrambling. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 11*. Browne W., Kim J., Partee B., Rothstein R. (eds.). Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications, 2003. Pp. 41–62.
- Bailyn 2004 — Bailyn J. Generalized Inversion. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2004. Vol. 22. Pp. 1–49.
- Bailyn 2006 — Bailyn J. Against the Scrambling anti-movement Movement. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 14*. Lavine J., Franks S., Tasseva-Kurkchieva M., Filip H. (eds.). Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications, 2006. Pp. 35–49.
- Bailyn 2012 — Bailyn J. *The syntax of Russian*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012.
- Bailyn (in print) — Bailyn J. Zemskaya's paradox and the typology of feature classes. *Linguistic Inquiry* (in print).
- Baker, Vinokurova 2010 — Baker M., Vinokurova N. Two modalities of case assignment: Case in Sakha. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2010. Vol. 28. No. 3. Pp. 593–642.
- den Besten 1983 — den Besten H. On the interaction of root transformations and lexical deletive rules. *On the formal syntax of Westgermania*. Werner A. (ed.). Amsterdam: Benjamins, 1983. Pp. 47–131.
- Bianchi 1999 — Bianchi V. *Consequences of Antisymmetry: Headed relative clauses*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999.
- Bošković 2007 — Bošković Ž. On the locality and motivation of Move and Agree: An even more minimal theory. *Linguistic Inquiry*. 2007. Vol. 38. Pp. 589–644.
- Bošković 2009 — Bošković Ž. Scrambling. *The Slavic Languages*. Kempgen S., Kosta P., Berger T., Gutschmidt K. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. Pp. 714–725.
- Bošković, Takahashi 1998 — Bošković Ž., Takahashi D. Scrambling and Last Resort. *Linguistic Inquiry*. 1998. Vol. 29. Pp. 347–366.
- Bruening 2014 — Bruening B. Precede-and-command revisited. *Language*. 2014. Vol. 90. Pp. 342–388.
- Chafe 1976 — Chafe W. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics and point of view. *Subject and Topic*. Li C. N. (ed.). New York: Academic Press, 1976. Pp. 27–55.
- Chomsky 1995 — Chomsky N. *The Minimalist Program*. Cambridge (MA): MIT Press, 1995.
- Chomsky 2000 — Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework. *Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*. Martin R., Michaels D., Uriagereka J. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 2000. Pp. 89–155.

- Cinque 1978 — Cinque G. La sintassi dei pronomi relativi *cui* e *quale* nell'italiano moderno. *Rivista di Grammatica Generativa*. 1978. Vol. 3. Pp. 31–126.
- Emonds 1979 — Emonds J. Appositive relatives have no properties. *Linguistic Inquiry*. 1979. Vol. 10. Pp. 211–243.
- Fabb 1990 — Fabb N. The difference between English restrictive and non-restrictive relative clauses. *Journal of Linguistics*. 1990. Vol. 26. Pp. 57–78.
- van Gelderen 2004 — van Gelderen E. The CP and Split CP cross-linguistically. *Word*. 2004. Vol. 55 (3). Pp. 369–403.
- Haegeman, van Riemsdijk 1986 — Haegeman L., van Riemsdijk H. Verb projection raising, scope and the typology of rules affecting verbs. *Linguistic Inquiry*. 1986. Vol. 17. Pp. 417–466.
- Hale 1983 — Hale K. Warlpiri and the grammar of nonconfigurational languages. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1983. Vol. 1. Pp. 5–47.
- Jackendoff 1977 — Jackendoff R. *X-bar syntax: A study of phrase structure*. (Linguistic Inquiry Monograph Two.) Cambridge (MA): MIT Press, 1977.
- Kayne 1994 — Kayne R. *The antisymmetry of syntax*. (Linguistic Inquiry Monograph Twenty-Five.) Cambridge (MA): MIT Press, 1994.
- Lambrecht 1994 — Lambrecht K. *Information structure and sentence form: Topic, focus and the mental representation of discourse referents*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.
- Lohndal 2011 — Lohndal T. Freezing effects and objects. *Journal of Linguistics*. 2011. Vol. 47, Pp. 163–199.
- Lyutikova, Tatevosov 2013 — Lyutikova E., Tatevosov S. Complex predicates, eventivity, and causative-inchoative alternation. *Lingua*. 2013. Vol. 135. Pp. 81–111.
- Lyutikova, Tatevosov (in print) — Lyutikova E., Tatevosov S. On the structure of Russian relative clauses. *Zeitschrift für Slavische Philologie* (in print).
- Müller, Sternefeld 1993 — Müller G., Sternefeld W. Improper movement and unambiguous binding. *Linguistic Inquiry*. 1993. Vol. 24 (3). Pp. 461–507.
- Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. *A grammar of Tundra Nenets*. (Vol. 65 of Mouton grammar library.) Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.
- Partee 1973 — Partee B. Some transformational extensions of Montague Grammar. *Journal of Philosophical Logic*. 1973. Vol. 2 (4). Pp. 509–534.
- Partee 1975 — Partee B. Montague Grammar and transformational grammar. *Linguistic Inquiry*. 1975. Vol. 6. Pp. 203–300.
- Pesetsky 2013 — Pesetsky D. Phrasal movement and its discontents: Diseases and diagnostics. Cheng L., Corver N. (eds.). *Diagnosing Movement*. Oxford: Oxford Univ. Press. 2013. Pp. 123–157.
- Polinsky et al. 2013 — Polinsky M., Gallo C., Graff P., Kravtchenko E., Morgan A., Sturgeon A. Subject islands are different. Sprouse J., Hornstein N. (eds.). *Experimental syntax and Island effects*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. Pp. 286–309.
- Rizzi 1997 — Rizzi L. The fine structure of the left periphery. *Elements of grammar*. Haegeman L. (ed.). Dordrecht: Kluwer, 1997. Pp. 281–337.
- Rizzi 2004 — Rizzi L. Locality and left periphery. *Structures and beyond: Cartography of syntactic structures*. Vol. 3. Belletti A. (ed.). New York: Oxford Univ. Press, 2004. Pp. 104–131.
- Rizzi 2007 — Rizzi L. On some properties of criterial freezing. *CISCL Working Papers on Language and Cognition, 1. StiL Studies in Linguistics*. 2007. Pp. 145–158.
- Rizzi, Shlonsky 2007 — Rizzi L., Shlonsky U. Strategies of subject extraction. Gärtner H.-M., Sauerland U. (eds.). *Interfaces + Recursion = Language? Chomsky's Minimalism and the view from syntax-semantics*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. Pp. 115–160.
- Stepanov 2007 — Stepanov A. The end of the CED? Minimalism and extraction domains. *Syntax*. 2007. Vol. 10. Pp. 80–126.
- Stockwell et al. 1973 — Stockwell R., Schachter P., Partee B. *The major syntactic structures of English*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973.
- Takahashi 1994 — Takahashi D. Movement of wh-phrases in Japanese. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1994. Vol. 11 (4). Pp. 655–678.
- Webelhuth 1989 — Webelhuth G. *Syntactic saturation phenomena and the modern Germanic languages*. Ph.D. diss. Amherst (MA): Univ. of Massachusetts, 1989.
- Wurmbrand 1998 — Wurmbrand S. *Infinitives*. Ph.D. diss. Cambridge (MA): MIT Press, 1998.